
Дмитрий Анатольевич Липинский
*Профессор кафедры теории и истории
государства и права
Тольяттинского государственного
университета,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: Dmitri8@yandex.ru*

Николай Владимирович Макарейко
*Профессор кафедры административного права
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: makareiko_nik@mail.ru*

Александра Анатольевна Мусаткина
*Доцент кафедры конституционного и
административного права
Тольяттинского государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: musatkinaaaa@mail.ru*

ВЗАИМОСВЯЗИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (Часть I)*

***Аннотация.** Актуальность исследования предопределена деформациями ценностей, происходящими в индивидуальном и коллективном правосознании, игнорированием законодателями и правоприменителями истинных социальных ценностей, их подменой политической, а также экономической целесообразностью. Предметом исследования выступают сформированные правовой доктриной социальные ценности и их реальное закрепление в действующем законодательстве, а также воплощение в правореализационной практике. В основе исследования лежат аксиологический, диалектический и формально-юридические методы. В статье анализируются противоречия, взаимосвязи и взаимодействия социальных ценностей с юридической ответственностью. Делаются выводы о том, что аксиологические характеристики юридической ответственности находятся в логической взаимосвязи с соответствующими видами юридической деятельности. Они закладываются в ходе правотворчества, детализируются на этапе*

*Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

официального толкования и получают свое реальное воплощение в применении. Вместе с тем при определенных обстоятельствах юридическая ответственность может оказать антиценностное воздействие.

Ключевые слова: *юридическая ответственность; социальные ценности; антиценности; правосознание; закрепление ценностей; противоречия ценностей; противоречия юридической ответственности; детерминация правонарушений.*

Dmitry Anatolievich Lipinsky

*Professor of the Department of Theory and History
of State and Law
Togliatti State University
Doctor of Law, Professor*

Nikolay Vladimirovich Makareiko

*Professor of the Department of Administrative Law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of
Internal Affairs of Russia
Doctor of Law, Associate Professor*

Alexandra Anatolyevna Musatkina

*Associate Professor of the Department of
Constitutional and Administrative Law
Togliatti State University
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Relationships, Interactions and Contradictions between Social Values and Legal Responsibility (Part 1)

Annotation. *The relevance of the study is predetermined by the deformations of values occurring in the individual and collective legal consciousness, ignorance by legislators and law enforcement officers of true social values, their substitution with political and economic expediency. The subject of the research is the social values formed by the legal doctrine and their real consolidation in the current legislation, as well as their embodiment in law enforcement practice. The research is based on axiological, dialectical and formal legal methods. The article analyzes numerous contradictions, interrelationships and interactions of social values with legal responsibility. Conclusions are made that the axiological characteristics of legal responsibility are in a logical relationship with the corresponding types of legal activity. They are laid down in the course of lawmaking, detailed at the stage of official interpretation and get their real embodiment in law enforcement. However, under certain circumstances, legal liability can have an anti-value effect.*

Keywords: *legal responsibility; social values; anti-values; legal awareness; consolidation of values; contradictions of values; contradictions in legal responsibility; determination of offenses.*

В арсенале исследователей значительную роль играет аксиологический подход. Он направлен на постижение ценностей, которые рассматриваются как смыслообразующие основы, положенные в качестве образцов развития общества и достойной жизни отдельного индивидуума. Именно ценностный (аксиологический) подход является своеобразным связующим элементом, соединяющим теорию и практику. Его потенциал дает возможность познать явления окружающей действительности с позиции их потенциала относительно удовлетворения потребностей субъектов социальных отношений.

Аксиологический подход базируется на системе соответствующих принципов, которые как основополагающие идеи и общие начала отражают его сущность. К их числу традиционно относят: паритетность философских взглядов в границах единой системы ценностей при условии сохранности многообразия культурных и этнических особенностей; равнозначность творчества и традиций, принятие востребованности в использовании учений прошлого и возможности духовного открытия в настоящем и будущем, необходимость диалога между традиционалистами и новаторами; равенство субъектов социальных отношений; социокультурную практичность вместо бессмысленных споров об основаниях ценностей.

Широкое распространение аксиологический подход получил в гуманистической педагогике, где человек признается в качестве высшей ценности общественного развития. Истоки ценностного подхода обнаруживаются в Баденской школе неокантианства, где В. Виндельбандом и Г. Риккертом были сформулированы и обоснованы представления о ценностях, которые рассматривались в качестве идеального бытия, во взаимосвязи не с эмпирическим, а с сущностным (трансцендентальным) сознанием. Выступая в качестве идеалов, ценности признавались независимыми от потребностей и поведения человека. Наряду с этим ценности должны были взаимодействовать с реальностью. Выход был найден в идеализации практического сознания, наделении его нормативностью. Аксиология рассматривалась в качестве средства преодоления релятивизма. Абсолютное значение ценностей связывалось с ценностями — благами культуры, к числу которых относили науку, право, религию. Ценности для отдельного индивидуума сводились к требованиям долженствования [1]. При этом ценности, формируемые человеческой культурой, не «привязаны» к отдельной социальной общности (группе, нации, страту, или обществу), а являются общечеловеческими. Не случайно М. Вебер рассматривал культуру в качестве ценностного понятия. В нее включаются ценности, значимые для нее [2, с. 61–344].

Аксиологический подход получил свое распространение и в русской философии. Его адептами были представители неокантианского нормативизма (Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев) и религиозной философии (Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский). Значительную роль в развитие указанного подхода внес П. Сорокин. Он отмечал, что «всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих,

но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность... Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [3, с. 429].

Одна из очевидных сложностей использования аксиологического метода состоит в отсутствии единства в восприятии ценности. Ряд исследователей связывают ценности со сферой должного, где ориентирами выступают идеалы, цели, нормы. В связи с этим О. М. Бакурадзе было отмечено, что «суждение ценности имеет телеологический характер, т. е. указывает на состояние, определенное целью. Ценность не то, что есть, а то, что должно быть. "Должное", если даже оно *explicite* не дано в суждении ценности, им всегда предполагается. А "должное" представляет собой требование, которое субъект ставит перед собой и перед другими» [4, с. 47]. Данный подход получил свою поддержку в специальной литературе [5; 6, с. 214; 7, с. 111; 8, с. 25; 9, с. 11].

Аксиологический подход получил свое распространение в нашей стране и в постсоветский период [10, с. 399–425; 11; 12, с. 36–42]. Его востребованность обусловлена тем, что явления социальной действительности оцениваются с позиции свободы, справедливости, уважения человеческого достоинства и т. п. Он предполагает акцентирование внимания на должном, но с учетом норм и этических ценностей, которые должны быть имплантированы в общественные институты и поведение.

Аксиологический подход носит универсальный характер и используется в различных сферах общественной жизни. Не является исключением сфера права. Данный инструментальный подход получил свое распространение в ходе познания правовых явлений. В связи с этим болгарский исследователь Н. Ниновски отмечает: «Аксиологическое изучение права имеет важное научное, практическое и идеологическое значение. Оно позволяет установить не только материально-экономические и социально-классовые основы и обусловленности права, не только объективные свойства его нормативности, его институциональные связи (в первую очередь с государством), но и его духовные аспекты, отражаемые им идеалы» [13, с. 34].

Признавая высокий потенциал аксиологического подхода в праве, следует отметить, что в ряде случаев он незаслуженно остается на периферии процесса познания. Отдельные философы считают, что ценностная проблематика является надуманной, мнимой [5, с. 288–290]. Безусловно, ученые имеют право на иную точку зрения, однако отказ от ценностной оценки явлений, в том числе и в сфере права, ставит на повестку дня проблему их характеристики с точки зрения полезности — бесполезности. Социальная ценность — имманентное свойство права, его отдельных явлений. При этом ценностная характеристика не является *constant*, а постоянно претерпевает изменения различной степени глубины. В силу преобразования общественных отношений социальная ценность правовых явлений может как возрасти, так и снижаться. На каждом этапе исторического развития происходит изменение ценностной характеристики тех или иных правовых явлений и процессов.

Обращает на себя внимание и то, что в юридической литературе акцентируется внимание на востребованности исследования как права в целом, так и отдельных правовых явлений и процессов с позиции их социальной ценности.

Данный подход используется и при изучении юридической ответственности, отдельных ее аспектов. «Юридическая ответственность относится к центральным категориям правоведения, обладает рядом сущностных особенностей, а также исключительной теоретико-методологической и праксиологической ценностью. Теория юридической ответственности в качестве самостоятельного элемента теории права основывается на объективных основаниях, которые необходимо учитывать при исследовании любых элементов проблематики юридической ответственности» [14, с. 14]. Разделяя данный подход, следует отметить, что существуют очевидные связи между социальными ценностями и юридической ответственностью.

Юридическая ответственность, будучи одним из значимых правовых явлений, представляет собой очевидную социальную ценность. Наша позиция основывается на том, что право — это несомненная социальная ценность, а юридическая ответственность относится к важнейшим правовым явлениям [15]. А. В. Маркин отмечает, что во всех своих проявлениях юридическая ответственность обладает позитивным характером, что обусловлено ее закреплением государством в правовых нормах в качестве ценности [16, с. 95].

С точки зрения аксиологического подхода юридическая ответственность является бесспорной ценностью. Устанавливая на законодательном (нормативно-правовом) уровне меры юридической ответственности, государство тем самым закрепляет соответствующие ценностные ориентиры в области методов государственной деятельности. В дальнейшем эти ориентиры обретают детальные очертания в правоприменительной деятельности, в конкретных правоприменительных актах при государственно-властной оценке отдельного факта поведения.

Важно отметить, что в своих правовых позициях Конституционный Суд РФ акцентировал внимание на том, что юридическая ответственность должна быть направлена исключительно на защиту конституционных ценностей. «В целом, по смыслу выраженных Конституционным Судом позиций, у мер юридической ответственности нет и не может быть иной цели, кроме защиты конституционно значимых ценностей, ввиду чего меры юридической ответственности должны соответствовать характеру совершенного правонарушения, размеру причиненного вреда, степени вины правонарушителя и не должны подавлять экономическую самостоятельность и инициативу граждан и юридических лиц, чрезмерно ограничивать право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [17].

Следует сделать важное уточнение, что «ценность — это не любая значимость явления, а его положительная значимость; кроме того, эта значимость своим истоком имеет человека, его коренные цели и идеалы» [18, с. 288]. Данный подход получил свою поддержку в работах Ф. Н. Фаткуллина и Л. Д. Чулюкина. «Раз ценности проецируются через призму человеческих потребностей и интересов, они представляют собой известное единство объективного и субъективного; их наличие и величина зависят не только от качества самого объекта, но и от отношения субъекта... Ценности объективно связаны с закономерными потребностями и интересами как исторических общностей людей и их

организаций (учреждений), так и отдельных личностей» [19, с. 9]. Авторы отметили необходимость оценки ценности через соответствующую деятельность.

При этом накопленные ценности могут оставаться в потенциальном состоянии и в неполной мере быть реализованы. Юридическая ответственность является социальной ценностью не сама по себе, а только в том случае, когда оказывает положительное воздействие на явления окружающей действительности. Учитывая то обстоятельство, что рассматриваемый вид социальной ответственности находит свое выражение в различных видах деятельности, очевидно, что необходимо диагностировать ее ценность через призму правотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности.

Ценностное восприятие юридической ответственности начинается с ее нормативного правового опосредования. В связи с этим правотворческая деятельность по закреплению юридической ответственности направлена на оформление ценностного восприятия юридической ответственности, что осуществляется в конкретном принятом законе и подзаконном нормативном правовом акте, содержащем нормы межотраслевого института юридической ответственности. Социальная ценность норм юридической ответственности базируется на той объективной необходимости, которая обусловлена достижением ее целей. Именно реализация позитивных целей юридической ответственности приводит к совершенствованию общественных отношений, на которые оказывается государственно-принудительное воздействие.

Социальная ценность нормативного правового закрепления юридической ответственности будет достигаться в том случае, когда содержание законов и подзаконных нормативных правовых актов будет направлено на защиту прав и свобод граждан, будет отражать закономерности общественного развития, а не только воспроизводить интересы отдельных субъектов, обладающих государственно-властным, экономическим и иными ресурсами. Аксиологические свойства норм юридической ответственности обусловлены потенциалом их воздействия на общественные отношения. При этом всемерно актуализируется проблема границ юридической ответственности, что является частным проявлением пределов государственного принуждения [20, с. 30–31; 21].

Спецификой юридической ответственности является ее детерминация возможного и допустимого воздействия в определенных границах. Не случайно в специальной литературе обращается внимание на важность определения указанных пределов. «Их рациональное решение — важная составляющая обеспечения безопасности, стабильности и гарантированности общества, а также самого государства, а особенно того, которое позиционирует себя в качестве правового. Очертив для себя сферу законного вмешательства в общественные дела и определив средства его осуществления, государство обретает необходимую свободу, закладывает основу правопорядка и обеспечивает легальность своей деятельности» [22, с. 90].

Ж. И. Овсепян акцентировала внимание на прикладной востребованности определения пределов принудительного воздействия, отметив, что «имеют актуальность не только теоретические исследования, посвященные проблеме идентификации принуждения с государством, правом и производными от них явлениями,

но и научный анализ проблемы установления оптимальных пределов государственно-правового принуждения, которая имеет значительную специфику способов ее решения в условиях развитых правовых демократических государств в отличие от стран с авторитарными режимами, либо переходных обществ» [23, с. 13].

Пределами юридической ответственности служат такие границы, за рамками которых она трансформируется в государственный произвол, насилие, утрачивает свою легитимность [24, с. 32–33; 25, с. 51–57]. Перед субъектом правотворчества стоит сложная задача по определению границ возможного вмешательства посредством потенциала юридической ответственности.

Ценностные свойства норм института юридической ответственности проявляются в их целях, способности обеспечить правопорядок и безопасность, предупредить совершение противоправных деяний, повысить уровень правосознания, достигнуть социальной справедливости.

Социальная ценность правоинтерпретационного аспекта юридической ответственности обусловлена адекватностью восприятия воли субъекта правотворчества, изложенной в нормативном правовом акте, закрепляющем юридическую ответственность, и доведения его до адресатов. Нормы права, закрепляющие юридическую ответственность, могут быть безупречны с точки зрения законности, в полной мере отвечать требованиям юридической техники, но неоправданными с позиции социальных ожиданий. В связи с этим можно говорить об оказании антиценностного воздействия. При этом определить его глубину, социальные последствия в ряде случаев не представляется возможным.

Необходимо учитывать, что нормативное правовое закрепление юридической ответственности должно осуществляться с учетом определенных ценностных интересов определенных стратов, групп, в том числе и отдельных субъектов права. Важно учитывать степень объективности отражения интересов общества, избегать при этом тенденциозности и необъективности.

Субъект правотворчества должен активно познавать окружающую действительность, объективно отражать ее в нормативных правовых актах, закрепляющих юридическую ответственность. Очевидно, что в полном объеме не могут быть объективированы существующие общественные закономерности. В связи с этим в случае качественного урегулирования общественных отношений отсутствовала потребность в установлении юридической ответственности, в силу того что не возникали соответствующие общественные опасные деяния и не было потребности в нормативном правовом установлении и дальнейшем применении юридической ответственности в принципе [26].

В дальнейшем происходит претворение требований правовых норм, закрепляющих юридическую ответственность, в правомерном поведении соответствующих субъектов. При этом следует иметь в виду, что речь идет как о правоприменителях, так и об иных субъектах, вовлеченных в данную деятельность, в том числе помимо собственной воли. Происходит трансформация должного, закрепленного в нормативных правовых актах, в сущее. Очевидно, что имеет место отклонение от закрепленных требований института юридической ответственности. Важно избегать иллюзий и отдавать отчет о потенциальной возможности таких сбоев, закладывая определенный «запас прочности» в

принимаемые нормативные правовые акты. Можно говорить о генетической связи должного и сущего в реализации юридической ответственности. «Вне поведения людей с их интересами и ценностными ориентациями нет правовых норм, а есть лишь идеальные абстрактные образцы, записанные на бумаге. Для правовых норм значимо общее положение о том, что сознание выражается в действиях и поступках людей» [13, с. 88].

Нормы института юридической ответственности не являются некими правовыми абстракциями, они, по крайней мере, должны выступать в качестве нормативной правовой объективации познанных субъектом правотворчества закономерностей. В связи с этим правотворчество представляет собой результат их отражения и является моделью деятельности субъектов правоприменения в дальнейшем.

Итоговым результатом выступает правоприменительная деятельность, принятие соответствующего правоприменительного акта, его исполнение. Можно утверждать, что юридической ответственности свойственна аксиологическая функция. Она проявляется в том, что направлена на решение юридически значимых задач. Их важность обусловлена как текущим моментом, так и отдаленной перспективой, способностью воздействовать на развитие правоохранительной ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками : в 2 т. М. : Terra-Канон-Пресс-Ц, 2000.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992.
4. Бакурадзе О. М. Истина и ценность // Вопросы философии. 1966. № 7. С. 45–48.
5. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М. : Издательство политической литературы, 1967.
6. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М. : Наука, 1969.
7. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М. : Мысль, 1985.
8. Ручка А. А. Социальные ценности и нормы (некоторые теоретические и прикладные вопросы социологического анализа). Киев : Наук. думка, 1976.
9. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
10. Барулин В. С. Социальная философия : учебник для студентов вузов. 2-е изд. М. : Гранд : ФАИР-ПРЕСС, 1999.
11. Ерасов Б. С. Социальная культурология. 2-е изд. М. : Аспект-пресс, 1996.
12. Состояние, тенденции и перспективы отечественного образования : материалы круглого стола / Я. С. Туробовский, В. А. Садовничий, В. В. Жириновский и др. // Философские науки. 2007. № 5. С. 36–42.
13. Ниновски Н. Право и ценности : пер. с болг. / вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова; под ред. В. Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987.

-
14. Кузьмин И. А. Специфика сравнительно-правовых исследований юридической ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 35. С. 6–15.
 15. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юрид. лит., 1971.
 16. Маркин А. В. Логика юридической ответственности. М. : Nota Bene, 2010.
 17. Конституционно-правовая защита предпринимательства : актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 г.г.) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 18. Алексеев П. В., Панов А. В. Философия. М. : Проспект, 1997.
 19. Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань : Казанский университет, 1977.
 20. Ильина Л. В., Похмелкин В. А. Пределы нравственной допустимости уголовно-процессуального принуждения // Правовое принуждение в борьбе с преступностью : межвуз. сборник науч. трудов. М., 1989. С. 240–246.
 21. Струков А. В. Правовые пределы принуждения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в России. Пермь : ПГНИУ, 2011.
 22. Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
 23. Овсян Я. И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (Общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д : Эверест, 2005.
 24. Макарейко Н. В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3. С. 32–36.
 25. Макарейко Н. В. Насилие как средство противоправного ограничения свободы // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 51–57.
 26. Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конференции (Нижний Новгород, 23–24 мая 2013 г.) : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2013.

References

1. Vindel'band V. Istoriya novoi filosofii v ee svyazi s obshchei kul'turoi i ot del'nymi naukami : v 2 t. [The history of new philosophy in its connection with general culture and individual sciences : in 2 volumes] М. : Terra-Canon-Press-C, 2000.
2. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Izbrannye proizvedeniya. [Protestant ethics and the spirit of capitalism. Selected works] М. : Progress, 1990.
3. Sorokin P. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. [Human. Civilization. Society] М. : Politizdat, 1992.
4. Bakuradze O. M. Istina i tsennost' // Voprosy filosofii. [Truth and value // Questions of philosophy] 1966. № 7. P. 45–48.

-
5. Drobnitskii O. G. Mir ozhivshikh predmetov. Problema tsennosti i marksistskaya filosofiya. [The world of objects that come to life. The problem of value and Marxist philosophy] M. : Publishing House of Political Literature, 1967.
 6. Narskii I. S. Dialekticheskoe protivorechie i logika poznaniya. [Dialectical contradiction and the logic of knowledge] M. : The science, 1969.
 7. Plakhov V. D. Sotsial'nye normy. Filosofskie osnovaniya obshchei teorii. [Social norms. Philosophical foundations of general theory] M. : Thought, 1985.
 8. Ruchka A. A. Sotsial'nye tsennosti i normy (nekotorye teoreticheskie i prikladnye voprosy sotsiologicheskogo analiza). [Social values and norms (some theoretical and applied issues of sociological analysis)] Kiev : Sciences' dumka, 1976.
 9. Tugarinov V. P. Teoriya tsennostei v marksizme. [The theory of values in Marxism] L. : Publishing house of the Leningr. university, 1968.
 10. Barulin V. S. Sotsial'naya filosofiya: uchebnik dlya studentov vuzov. 2-e izd. [Social philosophy: a textbook for university students. 2nd ed] M. : FAIR PRESS, 1999.
 11. Erasov B. S. Sotsial'naya kul'turologiya. 2-e izd. [Social cultural studies. 2nd ed] M. : Aspect-press, 1996.
 12. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy otechestvennogo obrazovaniya (kruglyi stol) // Filosofskie nauki. [State, trends and prospects of national education (round table) // Philosophical sciences] 2007. № 5. P. 36–42.
 13. Ninovski N. Pravo i tsennosti: per. s bulg. / vstupit. st. i per. V. M. Safronova; pod red. V. D. Zor'kina. [Law and values: trans. with bulg. / will enter art. and lane. V. M. Safronov; ed. V. D. Zorkin] M. : Progress, 1987.
 14. Kuz'min I. A. Spetsifika sravnitel'no-pravovykh issledovaniy yuridicheskoi otvetstvennosti // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. [Specificity of comparative legal studies of legal responsibility // Bulletin of Perm University. Legal Sciences] 2017. № 35. P. 6–15.
 15. Alekseev S. S. Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve. [The social value of law in Soviet society] M. : Yurid. literatura, 1971.
 16. Markin A. V. Logika yuridicheskoi otvetstvennosti. [The logic of legal responsibility] M. : Nota Bene, 2010.
 17. Konstitutsionno-pravovaya zashchita predprinimatel'stva: aktual'nye aspekty (na osnove reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii 2018–2020 godov) (odobreno resheniem Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.12.2020). Dokument opublikovan ne byl. SPS «Konsul'tantPlyus». [Constitutional and legal protection of entrepreneurship: topical aspects (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2018-2020) (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12/17/2020) (the document has not been published). Reference and legal system «ConsultantPlus»].
 18. Alekseev P. V., Panov A. V. Filosofiya. [Philosophy] M., 1997.
 19. Fatkullin F. N., Chulyukin L. D. Sotsial'naya tsennost' i effektivnost' pravovoi normy. [Social value and effectiveness of a legal norm] Kazan' : Izdanie Kazanskogo universiteta, 1977.

20. Il'ina L. V., Pokhmelkin V. A. Predely npravstvennoi dopustimosti ugolovno-protssessual'nogo prinuzhdeniya // Pravovoe prinuzhdenie v bor'be s prestupnost'yu: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. [The limits of moral admissibility of criminal procedural coercion // Legal coercion in the fight against crime: interuniversity collection of scientific papers] M., 1989.

21. Strukov A. V. Pravovye predely prinuzhdeniya v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossii. [Legal limits of coercion in the pre-trial stages of criminal proceedings in Russia] Perm' : PGNIU, 2011.

22. Rogov A. P. Osobennosti gosudarstvennogo prinuzhdeniya v pravovom gosudarstve : dis. ... kand. jurid. nauk. [Features of state coercion in a state governed by the rule of law : dissertation of the candidate of legal sciences] Saratov, 2013.

23. Ovsepyan Zh.I. Yuridicheskaya otvetstvennost' i gosudarstvennoe prinuzhdenie (Obshcheteoreticheskoe i konstitutsionno-pravovoe issledovanie). [Legal responsibility and state coercion (General theoretical and constitutional legal research)] Rostov n/D, 2005.

24. Makareiko N. V. Gosudarstvennoe prinuzhdenie i nasilie: problema sootnosheniya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. [State coercion and violence: the problem of correlation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia] 2014. № 3 (27). P. 32–36.

25. Makareiko N. V. Nasilie kak sredstvo protivopravnogo ogranicheniya svobody // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. [Violence as a means of unlawful restriction of freedom // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia] 2015. № 2. P. 51–57.

26. Gosudarstvenno-pravovye zakonomernosti: teoriya, praktika, tekhnika: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. N. Novgorod, 23–24 maya 2013 goda) : v 2 t. / pod obsheh. red. V. A. Tolstika. [State legal patterns: theory, practice, technique : a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (N. Novgorod, May 23–24, 2013) : in 2 volumes / under total ed. V. A. Tolstik] N. Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2013.